«Власть тьмы» Л. Толстого в Малом театре

СВЕТ И ТЬМА

В. СУХАРЕВИЧ

Очень часто среди обвинённых славословий гению Толстого исследователи его творчества вспоминают знаменитую статью В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Но как редко по достоинству оценивал человеческий подвиг Владимира Ильича, от имени нового поколения, сказавшего всю правду о своем любимом писателе. «С одной стороны, гениальный художник, давший не только исчерпывающие картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе».

Пусть вспомнит мастера литературоведческой аллилуйщины — эти слова были сказаны при жизни Толстого, в момент его славы, в дни обвала, когда он был не только величайшим художником мира, но вероучителем, именем последователей во всех уголках земного шара.

И эта ленинская смелость и правдивость сужений должны быть для нас высоким образцом при исследовании любого классического произведения литературы. Могущество имени — в умении различать, где гений — «зеркало русской революции», и где — «истыканный, истеричный хлыщик». Мне кажется, проявлением такого смелого, самостоятельного и современного отношения к наследию Толстого является постановка пьесы «Власть тьмы» на сцене Малого театра, осуществленная коллективом его крупнейших мастеров под руководством режиссера Б. Равенских.

Ставить эту пьесу — дело нелегкое. Нельзя забывать, что даже молодой Художественный театр при постановке «Власти тьмы» потерпел неудачу.

И здесь очень важно и для оценки нового спектакля, и для всего нашего театрального искусства, заметно набирающего силу, припомнить причину этой неудачи в изложении самого Станиславского, потому что мы должны учиться не только на достижениях, но и на ошибках больших мастеров. Уже оценив всю силу «интуиции и чувства» в сценическом действии, театр в драме Толстого решил «дать подлинного мужика», конечно, не только по костюму, но и главным образом по внутреннему складу». Актеры побывали где-то на границе Тульской губернии, там были закуплены костюмы, зарисованы избы, двери, сараи, в театр привезли даже житных тех мест, старики и старухи, с их неповторимым говором, песнями и повадками. Но чем усерднее актеры воспроизводили подробности быта, тем холодне получался спектакль.

«Духовной стороны пьесы мы, актеры, не зали, — с горечью сознается Станиславский, — не сумели, не дорослы еще до нее, — и чтоб заполнить пробел, как всегда бывает в этих случаях, перепустили внешнюю, бытовую сторону. Она осталась не оживленной натурой, и получилась голый натурализм».

Пусть все, кто наслаждает на сценах театров бесстрастные копирование жизни, еще раз вдумаются в эти слова Станиславского. И, видимо, заняв этому предостережению мастера Малого театра, взяв для постановки драму, описывающую репортажно натуралистически, с тем, чтобы дать бой именно «голому натурализму», с тем, чтобы путем самостоятельного исследования и собственной трактовки идей и образов драмы открыть в этом произведении Толстого то, что не удалось найти и открыть актерам предыдущего поколения. Мне кажется, в этом — принципиальный общественно-художественный смысл нового спектакля Малого театра.

За свою короткую жизнь этот спектакль уже вызвал горячие споры, завоевал множество друзей и немало недругов. Не и они врали только выдумкою: «Да, интересно... но это не Толстой». А почему? Недругам не говорят о главном — их не устраивают подробности: то песни часто звучат на сценой, то гармоника, на которой играет Никита, то анисость и обаяние этого главного героя-пастушонка. Видимо, сам побродивши «страшный» считают: раз тьма — она должна быть беспросветной...

Но так ли это? Неужто власть этой тьмы так беспредельна, неужто, не исправляя драмы Толстого, не меняя ее текста, нельзя найти в ней то, чем особенно силен могучий талант писателя, показавшего «стихийное чувство протеста и негодования», те «горы неизвестности, злобы и отчаянной решимости», которые, как писал В. И. Ленин, порождали в русском крестьянстве века крепостного ига и годы пореформенного разорения. Ведь в этих ленинских словах — ключ не только ясного понимания, но и художественного, образного воплощения драмы Толстого.

И стремление к художественной многогранности образов прежде всего и во всем привело создателей спектакля к тому, что они в беспросветной тьме, нависшей над живыми крестьяне прошлого века, правдиво изображенных в драме, увидели свет, тепло, показали и стихийный протест, и отчаянную решимость в борьбе со злобой и невежеством, с лютой жестокостью собственников. Причем никакого насилия при этом над произведением Толстого, его стилем, его жизненным содержанием не совершено. Просто режиссер и актеры, не пренебрегая правдой быта, приняли с полной силой и степенью таланта принадлежащие «изнутри» движение чувств, социальный смысл каждой человеческой судьбы, историю характеров, сформировавшихся в жестокие времена.

Вот почему оказалось, что Никита — главный герой драмы в исполнении В. Доронина — вовсе не слепой раб судьбы, которого продали и привела к раскаянию «лесница господня», а веселый, удалой, сбалованный, не совестливый человек. Живет он повсюду, как и все не обремененные жаждой стяжательства люди, — на чужое не зарится, своей выгоды не упускает. В первых действиях его этическое легкомыслие даже не лишено картинности — на бога, на царя в голове, ни совести нет у этого красивого парня. Не обременен он мыслями и нравственными представлениями — собравши девушку и нагло от нее отъехав, прогнав, потребовали платы, подтвердивши ложь, наброшенную односельчанкой; прорвановал любовницу, жена хозяина, — без волнения оправдался. Такой же веселый и безаботный рубаха-парень Никита у Доронина и во втором действии. Даже когда уничтоживший хозяин, перед которым Никита кругом виноват, просит у него прощения, Никита распоряжается почти по-детски, без притворства и без надрыва. Даже получив деньги, слезные с умирающего, он не обнаруживает волнения и азарта, а спокойно, неторопливо отправляется за ворота их прятать, не сознавая еще, что вместе с ними в его руки попала власть над всем этим домом.

Вот эта злая и жестокая власть — власть денег и есть та сила, которая грудит и совращает людей, она и ведет их в тьму преступлений, ненависти, зла. В спектакле эта тема — тема обнищания душ, вызванного богатством, стала лейтмотивом действия, его драматической пружиной. Не входит, а врывается в дом, где недавно был работником, вкусивший денег Никита. Ему теперь все позволено. За окнами звенят бубенцами кони, развивается тальянка, а в избе вагиляется над исхлёбанной женой, пьянит, поет, пьет водку и целуется с любовницей Никита. Но уже в этом почти разбойничьем разгуле — отчаяние, желание загулять, утопить совесть, — то заметется он с криком на сундук, то сядет к столу в голову упрет на руки.

И так от начала до конца спектакля живут в одном Никите два человека: один — безрассудный, эгоистичный и даже злой, другой — совестливый, протестующий против преступных дел, в которые он попал из-за богатства. И, конечно же, этот протест стихийный — не бог, а совестливое русское сердце в отвага привели Никиту к раскаянию.

Но чтобы мы почувствовали этот протест как стихию, отрешив каждого образа должны проявляться резко и определенная мысль. И надо отдать должное режиссеру спектакля Б. Равенских и всем исполнителям главных ролей, — они не остали на «линию быта», позаботились об освещении большинства образов «изнутри» глубокой мыслью, аналитически их переживания и простыми чувствами, которые не поступны голому натурализму.

В самом деле, посмотрите, какая большая работа совершена для того, чтобы приблизить драму новое, глубокое реалистическое звучание.

Аким — И. Ильинский, в полном соответствии с указанием автора, — «мужик неворчливый, богобоязненный». Он, как и все мужики, истово крестится, входя в избу, понимает чин божье, грозит его карами. Но больше бога он верит сердцу своему. И не надо даже длинном чуткого уха, чтоб услышать, какая боль, какое мучение сидит на лавке, и только морщины между бровей выдают все глубже и глубже. И вот он встал, собственный горем, и швырнул сыну на стол десять рублей, чтобы тот полученные у него на покупку лошади. «Ты в богатстве... как в сетях», — говорит он сыну с такой страстью и убежденностью, что соврать с ним бесполезно. Не богатырской стати вырастает тут «неворчливый мужичок», свято верующий прежде всего в человеческую честность и справедливость. Именно так истолковал актер в полном согласии с жизненной правдой этот образ. Значит, рвать «сети» богатства помогала Никите здоровая закваска — отцовское воспитание и пример.

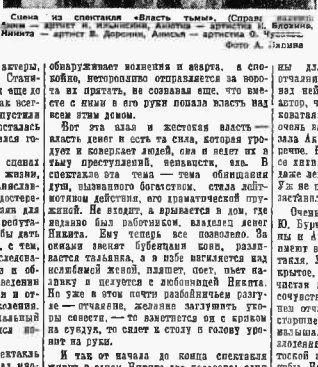
Более чудесные комические интермедии мог бы разыграть Матрена — М. Жаров, — мясь у избы от запала полки. Но он верен этой сцены так, что нам передается мучение этого старого, одинокого, никому не нужного запойного солдата, давшего зарок не пить. И он бы удержался — так убедил нас в этом Жаров, показав человека любого, кроткого, даже нежного, когда он трезвый, и совсем не буйного, а вполне благообразствующего во хмелю. И снова мы почувствовали умную заботу постановщика и актера о том, чтобы та простая житейская мудрость, которую сообщает Никите Матрена: «А как не боись я людей-то, мне и легко!», столь существенная для развязки драмы, всходила на уже человека, вступившего в глубокие сражения, несмотря на свою слабость. И Жаров такое уважение к своему герою, безусловно, вкушил. Злодейство явное и равнодушно-бесстрастное, спокойствие и безопасность в преступлении — такова Матрена в исполнении В. Шатровой. И снова в этом образе ясно сказалась главная мысль спектакля: бесчеловечной и равнодушной в злых делах сделали Матрену страсть к пожиже, желание спирать коны в воду, прикрыть грех. Ну Матрена один бог — выгода. И потому актриса нашла тот единственно правильный тон, при котором только и возможно подбивать людей на преступление. Отравить мужа — это выгодно, убить ребенка и закопать — это удобно и безопасно. И все, что говорит и делает Матрена, полно такого спокойствия и безопасности, что в ней тьма — страсть к жажде — имеет своего самого верного, преданного и странного слугу.

Конечно, в этом ансамбле трудно поставить за себя молодым актерам и актрисам. Мне, например, кажется, что Б. Горбатов в роли Петра не совсем удалося передать чувство тоски и беззащитности перед смертью: О. Чуваева весьма убедительна в моменты злобного ожесточения, но не нашла еще настоящей глубины для выражения других чувств — отчаяния, смятения, горя в момент, когда вал ней глумится Никита. Пусть сказал автор, что Акулина «крепка на ухо, дурковатая, но ведь она не вовсе дура. Тут очень важны оттенки. А в том, как показала Акулину В. Доматова, есть противоречие. В общем действии Акулина в вовсе кипяковшая дура, а вот в четвертом — даже легкой принуды в ней не ощущается. Уж не подарки ли Никиты и его «любовь» заставили ее поумнеть?

Очень удались молодым актрисам Ю. Бурыгиной в роли Марины и Анютки, а также эти опять-таки очень важные значения для изучения спектакля. У Анютки—Блохиной для всех открытое, доверчивое детское сердце. Как чистая музыка, звучит ее голосок,—тому сочувствуя, этого осуждая. А сколько в ней отчаяния, когда где-то в подполье сторонне делает злое дело — убивают мальца. Она еще только сигнализирует злодеяний, а Марина—уже жертва. Какой тоской полны ее глаза, когда ее гонит из избы Никита, сколько муки в голосе и какая гордость во всем ее облике, какое достоинство в каждом движении, когда сознает Никита об утраченном счастье.

Чудесные поэтические образы! Но это опять-таки люди, хоть и незнакомые тьме, но они протестуют против нее всеми силами своих юных, не тронутых злобой и корыстью сердец. Можно спорить и не соглашаться, например, со сценой, введенной в спектакль как интермедия. В. Равенский и художник Б. Волков при встрече Марины и Никиты, вспоминающих счастливые дни, когда они работали на «лугу», гасят солнечный свет, на небе вспыхивают звезды, горит месяц, и влюбленные шествуют навстречу к звездам, по золотому стеклу сцены. Вдали раздается гудок поезда... Конечно же, это — поэтическое видение, мечта, но кто сказал, что не мечтали люди о счастье даже в царстве тьмы и преступлений?

Нет, не всем этим и в том, что, несмотря на тяжелую власть тьмы, звучат на Руси то печальные, то буйные плясовые песни, вызвет тоску красота природы, вносит, может и остается верны чести и совести чудесные русские люди, — символическое предвестие света, который победит тьму. Стихийный протест против зла и несправедливости, так реалистически показанный в спектакле, был провозвестником великой революции, разбросившей в людей и искусство для великих подвигов и свершений, для поисков новых путей из тьмы к свету.



Сцена из спектакля «Власть тьмы». (Справа: Акулина — артистка О. Чуваева, Анютка — артистка Н. Блохина, Никита — артист В. Доронин, Аким — артист И. Ильинский.)

Фото А. Лапина